

Старик Сун длинным шестом приоткрыл слуховое окно под самым потолком траурного зала, и внутрь пролился тонкий, призрачный луч лунного света.

Сун Янь, облачённый в Одежду тысячи лоскутов, возжёт благовония. Он отвесил глубокий поклон небу, затем — двум призракам, застывшим в зале. Вонзив палочки в курильницу, юноша отступил на три шага и замер.

Дзынь!

Чистый, серебристый звон колокольчика вспорол тишину. Сун Янь взмахнул широкими рукавами и сорвался с места. Его статная фигура закружилась в танце под переливы пустоты.

Во второй раз Ритуальный танец давался ему куда легче: движения стали плавными, отточенными, а в самой поступи появилось нечто завораживающее.

Да-да-да... Ла-ла-ла...

Призрачные напевы, доносившиеся словно из иного измерения, вторили каждому его движению. Для обычного человека зал оставался прежним, но в мире духов вокруг Сун Яня разрасталось мощное Духовное поле. Оно напоминало призрачные чертоги, но в нём не было леденящей жути — лишь покой и странная, едва осознаваемая им самим доброта к усопшим.

Бабушка Хуан и старик Сун, прижавшись к стене в углу зала, наблюдали за происходящим уже спокойнее, чем в первый раз. Чего нельзя было сказать о даосах и четырёх монахах, столпившихся в дверях. На их лицах застыло крайнее изумление.

— Столь чистое исполнение... — пробормотал старый даос, поглаживая бородку и шурясь, пытаясь разглядеть суть ритуала. — Редкое мастерство.

Хоть они и были из «разных цехов», даос чувствовал колоссальную мощь духовного поля, хотя и не мог до конца понять природу магических пасов Сун Яня. Одно было ясно: он в корне недооценил эту троицу.

— Амиتابха, — прошептал десятилетний монах и, склонившись к учителю, принялся что-то поспешно объяснять, хотя он всё ещё недоумевал.

Линь Жуйцзинь судорожно сжал край рукава. По лбу его катились капли холодного пота — Пожирающая инь крыса в его кармане бесновалась так, что он едва справлялся с ней. Глядя на изящный силуэт юноши, мечущийся тенями по шёлковым драпировкам, даос помрачнел. Сун Янь не просто превзошёл его, он отвесил ему звонкую, унижительную пощёчину.

Ветер в усадьбе Ли крепчал. Становилось всё холоднее, а тишина сделалась почти осязаемой.

Му Сю, до этого неподвижно сидевший на подушке, медленно поднялся. Цвет его глаз лихорадочно менялся с янтарного на чёрный, но аура оставалась спокойной. Он долго смотрел на Сун Яня, и он внезапно мягко и едва заметно улыбнулся.

Сун Янь мельком взглянул на Короля призраков и нахмурился, стараясь игнорировать этот странный взор. Он прикрыл глаза на мгновение, а когда открыл их — полностью погрузился в ритм танца.

— Душа, приди... Душа, вернись в чертоги... Вернись... — тихо шептал он.

Вскинув веер, Сун Янь плавно поклонился в сторону Яо Цин. Призрак женщины вздрогнула от испуга, но не сдвинулась с места. Приняв этот поклон, она почувствовала, как многолетняя боль, терзавшая её дух, начала отступать. Сун Янь не пытался её упокоить насильно, он хотел... дать ей свободу. Она ощутила, как путы поместья Ли, удерживавшие её здесь, слабеют.

Сун Янь выпрямился и перевёл взгляд на Му Сю. Не колеблясь, он отвесил такой же поклон и ему. Мертвецам положено почтение, и юношу ничуть не смущало, что он кланяется призраку.

Но Му Сю, обещавший не двигаться, внезапно оказался прямо перед ним. Склонившись, он осторожно подхватил Сун Яня за локти, не давая завершить поклон.

— Сун Янь... — выдохнул он с бесконечной нежностью.

Юноша не стал гадать, что означает это выражение лица. Он резким движением сбросил руки Короля призраков и сурово бросил:

— Не мешай.

Схватив Му Сю за запястье, он оттащил его в сторону и резко развернулся к Линь Жуйцзиню.

Сун Янь почувствовал на себе ледяной, жадный взгляд. И исходил он не от молодого даоса, а от твари в его кармане. Крыса видела в нём не заклинателя, а добычу. Теперь Сун Янь на себе ощутил то, что чувствовали духи перед этим монстром — безотчётный, парализующий ужас. Эта тварь хотела его сожрать.

Он спокойно смотрел прямо туда, где пряталась крыса. Секунда, две, три...

Пипи!

Линь Жуйцзинь не удержал своего питомца. Чёрная молния вылетела из его рукава, целясь прямо в горло Сун Яню.

Юноша даже не вздрогнул. Му Сю, стоявший рядом, тоже остался недвижим. Зато Яо Цин в ужасе забилась в гущу букетов лилий.

Хрясь! Бах!

Старик Сун, приготовившийся заранее, сработал как по часам. Тяжёлый железный молот с размаху обрушился на пол, размазав крысу прямо у ног Сун Яня.

Брызнула чёрная, зловонная кровь. Место ритуала вмиг превратилось в сцену кровавой расправы. Один из слуг, не выдержав зрелища, отвернулся и зашёлся в рвотном позыве.

Сун Янь даже не повёл бровью. Он лишь отдернул руку, пряча Му Сю за своей спиной, и шагнул вперёд. Не раздумывая, он с хрустом раздавил подмёткой тушку, выбивая мерзкие, светящиеся зелёную глазки твари.

Хруст... Плюх...

Линь Жуйцзинь и даос Дэсин замерли, словно им самим наступили на сердце. Эту крысу было невероятно трудно достать, а вырастить — ещё сложнее. Она была их «золотой жилой», а теперь её превратили в бесформенное месиво прямо у них на глазах.

— Сун Янь! — лицо Линь Жуйцзиня залилось багровым цветом, а затем стало мертвенно-бледным. Он выговорил имя юноши сквозь плотно сжатые зубы.

Но что он мог сделать? Он не смел признаться, что эта тварь — его питомец. Стоит пойти слуху, что они растят нечисть, и их карьере конец. Никто больше не позовёт их на обряды. Пришлось терпеть. Терпеть так, что во рту разлился вкус крови.

— Амитабха! — хором воскликнули монахи.

— Всё пропало! — заголосила бабушка Хуан, мастерски нагнетая жуть. — Обряд осквернён! Конец, всё кончено! Уходим, быстрее! Здесь смерть лютая, проклятье на этом доме!

Её белое от пудры лицо в полумраке выглядело по-настоящему зловеще. Дворецкий Ли и слуги окончательно пали духом. Слова о «смерти лютой» пробрали их до костей.

— Здесь больше оставаться нельзя... Лао Сун, Сяо Янь, собирайте вещи! — Хуан кивнула на дворецкого так, словно видела за его спиной саму смерть, и не проронила больше ни слова.

Сун Янь не сразу подчинился. Он постоял мгновение, хмурясь, и брезгливо стряхнул остатки слизи с обуви. Вид испачканных туфель был ему невыносим. Лишь после этого он отпустил руку Му Сю и принялся помогать старикам.

Они работали споро. Не прошло и десяти минут, как все пожитки были собраны. Дворецкий пытался было их остановить, требуя объяснений, но бабушка Хуан так умело сыпала загадочными угрозами и ахами, что к тому моменту, как Ли пришёл в себя, троица уже была у ворот усадьбы.

— Мы дело не закончили, денег не возьмём... — бросила Хуан дворецкому напоследок, внезапно сменив алчный блеск в глазах на искреннюю жалость. Она похлопала его по плечу и обернулась на дом с таким ужасом, что у того подкосились ноги. — Вон те даосы... может, они справятся. Если доживут.

Ли застыл. Он только сейчас вспомнил про даосов, которых пригласил «для подстраховки». Но внутри шевельнулось недоброе предчувствие: он пожалел денег для Хуан, решив, что она просто деревенская шарлатанка, а теперь понимал — за копейки он купил себе катастрофу.

— Амитабха! Почтенные, постойте...

Когда они отошли от поместья на добрую сотню метров, их догнал запыхавшийся юный монах.

— Малыш, тебе чего? — Хуан обернулась, сверкнув глазами.

Мальчик, впрочем, не испугался. Он подошёл к Сун Яню и протянул ему чётки.

— Сун-шичжу, если когда-нибудь выдастся свободный час, загляните в храм Линцзюэ.

Монах внимательно посмотрел в лицо Сун Яня, а затем его взгляд чуть сместился в сторону — туда, где стоял невидимый для простых людей Му Сю.

Сун Янь не спешил брать подарок. Он пристально взглянул на мальчика и тихо спросил:

— И много ли ты видишь?

После его танца вокруг поместья Ли собралось столько неприкаянных душ, что оставалось лишь гадать, скольких из них разглядел этот маленький послушник.